

Ф

Д А Т Ц Е С К Ц Ц

И З И О Л О Г

ПЕРЕВОД К. И ОУТСЕНА

К. Ю. Иоутсен

Латинский Физиолог

«Издательские решения»

Иоутсен К. Ю.

Латинский Физиолог / К. Ю. Иоутсен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967066-3

«Физиолог» — одна из главнейших книг Средневековья. Созданный изначально на греческом языке, этот трактат о природе и символическом истолковании животных, растений и минералов переписывали, переводили и перечитывали от Англии до Московии и от Исландии до Эфиопии. Самой популярной версией была, однако, латинская; отсылки к ней можно обнаружить в религиозной иконографии, геральдике, фольклоре, магии и литературе. В настоящем издании латинский «Физиолог» впервые представлен в русском переводе.

ISBN 978-5-44-967066-3

© Иоутсен К. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Физиолог и физиология	7
Физиология смысла	10
Физиолог: натурфилософия и символизм	12
Физиология царя зверей	14
Физиолог: версии и переводы	15
Физиолог и бестиарий	17
Латинский Физиолог	19
Физиолог: русский перевод	21
Избранная библиография	23
Физиолог	26
О льве	26
Об автолопе	30
О пироболовых камнях	33
О пиле морской	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Латинский Физиолог

Переводчик К. Ю. Иоутсен

Дизайнер обложки К. Ю. Иоутсен

Дизайнер обложки А. Б. Ленина

© К. Ю. Иоутсен, перевод, 2019

© К. Ю. Иоутсен, дизайн обложки, 2019

© А. Б. Ленина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7066-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Nimirum interroga jumenta, et docebunt te; et volatilia caeli, et indicabunt tibi. Loquere terrae, et respondebit tibi, et narrabunt pisces maris. Quis ignorat quod omnia haec manus Domini fecerit? [Iob 12:7—9]

И подлинно: спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе; или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские. Кто во всем этом не узнает, что рука Господа сотворила сие? [Иов 12:7—9]

Физиолог – одна из главнейших книг Средневековья. На протяжении почти пятнадцати веков этот совсем небольшой трактат о природе животных, растений и минералов и их символическом истолковании переписывали, переводили и перечитывали по всему европейскому континенту, от Англии до Московии и от Исландии до Эфиопии, а его авторство приписывали, среди прочих, царю Соломону, Аристотелю, святым и Папам Римским. Это первая книга индизнаательных христианских истин, цельная аллегория бытия, исполненная глубокого сакрального смысла, где явления природы показаны лишь отражениями как человеческих, так и метафизических добродетелей и пороков.

Ни одно другое сочинение по естественной истории (если считать *Физиолог* таковым), да и вообще ни одна другая книга, кроме Библии, никогда прежде не пользовалась таким успехом, а ее принцип нравоучительного комментирования окружающего мира проник в сущность всего средневекового мировоззрения. Как напрямую, так и косвенно *Физиолог* стал неиссякаемым источником для религиозной иконографии и геральдики, дидактической и народной поэзии, на него ссылались профессора богословия и сельские проповедники, его истории оставили след в фольклоре, магии и литературе от bestiариев до *Хроник Нарнии* и *Гарри Поттера*.

Рассказы *Физиолога* просты и безыскусны, а их моральные уроки были понятны каждому. Именно здесь впервые можно было встретить единорога, отдающего в руки невинной девы, или пеликана, орошающего птенцов собственной кровью. При этом, соединяя разрыв времен и культур, ничего нового трактат фактически не сообщает – почти все натуралистические сведения без труда обнаруживаются в куда более обширных греческих и римских энциклопедиях, да и сами сведения там порой гораздо любопытнее. Но сложность языка и материала неизбежно ограничивали их доступность, сделав их достоянием узкого круга знатоков, так что, хотя *Физиолог* и редко оригинален, информацию черпали непосредственно из него.

Объективно сочинение это можно считать образцом культурного синтеза, в ходе которого христианство из эзотерического учения небольшой группы единомышленников превращалось в идеологическую систему мирового значения, обладавшую всеми средствами для построения целостного духовного универсума.

Физиолог и физиология

О происхождении *Физиолога* существует множество теорий, но ни одна из них не отличается большой определенностью. Обычно предполагают, что он был написан изначально на греческом языке не ранее середины II и не позднее конца IV века новой эры, в египетской Александрии, этом Нью-Йорке древнего мира, плавильном тигле, где смешивались всевозможные истории самых разных традиций – эллинистической, иудейской, христианской, египетской, индийской. В полной мере эту пестроту демонстрирует и приводимый ниже текст. Его создатель обращает свой взор одновременно в прошлое и будущее, а настоящее он мыслит как путь, усеянный соблазнами. Дьявол многолик и изобретателен, для него любой сомневающийся – легкая добыча, а на пути от грехопадения к Вечности неофитам нужны узнаваемые ориентиры. Так и родилась книга наставлений.

Автор *Физиолога* неизвестен, а сам термин «Физиолог» есть ничто иное, как прозвище автора (подобно тому, как Аристотеля в позднейшие века называли просто Философом), которым – за неимением лучшего – обозначают и само сочинение.

Одни полагают, что Физиолог – это христианский писатель, знавший Библию и святоотеческую литературу, который изначально создавал экзегетику природы, то есть богословский трактат, объясняющий природу с точки зрения христианской доктрины. Для других Физиолог – язычник, автор краткого натуралистического атласа, к которому позднее некий христианский комментатор добавил аллегорические пояснения. В последнем случае возникает неопределенность касательно того, кто из них собственно Физиолог и что такое собственно физиология? И – главное – как тогда рассматривать суть всего этого произведения?

Надо сказать, что сейчас, в современных языках, под физиологией имеется в виду нечто совсем иное, чем в античности, а именно, если не вдаваться в подробности, функционирование биологической системы (организма). Тогда же физиологию рассматривали гораздо шире и в большем соответствии с буквальным значением: *physis* (природа) + *logos* (слово). Первым термин «физиолог» употребил, по-видимому, сам Философ (384—322 до н.э.), имея в виду в одних случаях зоологов, а в других – натуралистов вообще, в том числе и тех, которые размышляли об устройстве Вселенной и происхождении сущего. На эти темы, конечно, размышляли в древности многие, но не все, подобно физиологам, основывали свои рассуждения на наблюдениях природы.

Впоследствии «физиология» претерпела некоторые изменения. Скажем, в работах Цицерона (106—43 до н.э.) и Диодора Сицилийского (ок. 90—30 до н.э.) под ней подразумевалось уже некое тайное, оккультное знание природы, сближавшее «физиологию» с гаданием, магией, богословием. Правда, речь в таких случаях шла обычно об относительно экзотических народах, вроде этрусков или галлов.

В трактате Плутарха (ок. 46—ок. 127) *Об Исиде и Осирисе*, этом позднейшем соединении животного символизма с почти христианской экзегезой, «физиология» не упоминалась, но отчетливо прослеживалась – и на множестве примеров. Согласно Плутарху, египтяне весь свой сакральный символизм основывали на природных феноменах, в которых можно было увидеть эзотерический смысл и сделать выводы о сущности богов. Так, например, крокодила египтяне почитали как живое воплощение бога, поскольку это единственное животное, не имевшее языка, подобно тому, как и Божественное слово не нуждалось в голосе.

В течение первых веков новой эры этот метод под влиянием неоплатонизма получил развитие уже у ранних христианских писателей, вроде Филона Александрийского (ок. 25 до н.э. —ок. 50 н.э.), Климента Александрийского (ок. 15—ок. 215) и Оригена (ок. 185—ок. 254), которые определяли «физиологию» как постижение высших истин через созерцание их земных воплощений (кстати, каждому из них приписывалось авторство *Физиолога*). Невидимые вещи

следовало познавать через видимые, а те, что увидеть вовсе нельзя, – сопоставлять с тем, что на виду: *Верую познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое* [Евр. 11:3]. И так же, как Бог создал человека по своему образу и подобию, так и все остальное творение, вероятно, уподоблено было неким небесным образом.

Задача, как явствует, состояла в том, чтобы верно прочесть и истолковать книгу природы, так же, как читались и толковались книги Священного Писания, тем более, что последние именно к этому, как кажется, и побуждали: *Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны* [Рим. 1:20]. Древним мифам и легендам, слишком многочисленным, а порой и слишком хорошо известным, чтобы бесследно исчезнуть, также суждено было подвергнуться этой «физиологической» процедуре – будучи рассмотрены в качестве аллегорий, они оказывались уже не столь далеки от новой идеологии.

Изначально заложенный в Библии символизм действовал в *Физиологе* на новом уровне, помогая увидеть скрытый смысл в неподобных образах, когда за сугубо материальным обликом животных, растений и камней скрывались догматические и нравственные понятия, через познание которых человек приобщался к высшему знанию и Божественной истине. Если это и не увеличивало прямо шансы на Спасение, то, по крайней мере, давало большую надежду. К тому же, сам процесс постижения был духовной работой, упражнением, сродни Великому Деланию алхимиков в последующие века, а значит, важным самим по себе. На практике же подобный подход позволял преодолеть интеллектуальную пропасть между миром сущего и миром вечного, между реальностью и догмой, то есть объяснить метафизическое через физическое. Кроме того, постичь аллереорию означало и постичь отношение соответствия, мысленной пропорциональности, а затем ощутить эстетическое наслаждение от этого соответствия, которое включало в себя и усилие истолкования.

Физиолог, таким образом, был не просто натуралистом или естествоиспытателем, но философом природы, интерпретировавшим окружающий мир метафизически, нравственно, религиозно, соотносивший буквальное и аллегорическое, означающее и означаемое. В известной мере это перекликается с тем, что сегодня назвали бы семиотикой природы, с той лишь разницей, что тогда это носило сугубо практический характер, то есть преследовало нравоучительно-просветительские цели.

Скажем, природа пантеры в соответствующей главе *Физиолога* призвана была олицетворять символически важнейшие атрибуты Христа, а именно: она – Христос воскресший («если же поела и сделалась сытой, тотчас засыпает в норе своей и на третий день восстает ото сна, как и Спаситель наш»); Христос, несущий благую весть («восстала ото сна на третий день, выходит наружу и возглашает громким голосом, и из голоса ее всякое благоухание исходит»); Христос-Бог, исполненный совершенства («всеозможно многоцветна она [...] и обликом прекрасна»); Христос-Спаситель, враг дьявола («всем животным она – друг, враг же дракону»). Важна и неожиданность, причудливость символа, делавшая его более осязаемым и побуждающим читателя или слушателя к его истолкованию.

Такой «физиологический» метод прочтения, а вернее, восприятия, распространился по всему средневековому христианскому миру, в котором реальное, воплощенное в природе, и Божественное, воплощенное в Библии, образовывали неразрывное целое. Разумеется, свою роль сыграли здесь и сами условия жизни, особенно в раннее Средневековье – эпоху бесконечных войн и упадка, неурожаяев, набегов, болезней и прочих бедствий. Выработка определенного набора символов может рассматриваться как образная реакция на это ощущение кризиса. В символическом мировосприятии природа, даже в самых грозных своих проявлениях, трактовалась как некоторая система знаков, с помощью которой Творец сообщал людям об упорядоченности этого мира, о сверхъестественных ценностях, о том, что надо сделать, чтобы найти в этом мире верный путь и обрести Спасение. Окружающие человека вещи могли вызывать

недоверие из-за их кажущегося беспорядка, бренности, враждебности, но на самом деле всякая вещь была не тем, чем она казалась, но всегда предполагала что-то иное. Следовательно, надежда могла вернуться в мир, ведь он представлял собой разговор Бога с человеком.

Физиология смысла

Многоуровневая интерпретация смысла нашла отражение не только в интуитивном мировосприятии, но и в официальной церковной доктрине. Еще Блаженный Августин (354—430) указывал, что Ветхий Завет мог и должен был истолковываться четырьмя способами: согласно истории, этиологии, аналогии и аллегории. Историческое толкование подразумевало буквальное прочтение написанного; этиологическое искало причины произошедшего; аналогическое снимало противоречия между Ветхим и Новым Заветами; аллегорическое демонстрировало фигуральную символичность изложенного [*О пользе веры* V].

Полтора веками позднее Святой Григорий Великий (ок. 540—604), говоря об универсальности Священного Писания, замечал: своими неясными утверждениями оно испытывало сильных, но в то же время не настолько скрыто, чтобы его боялись, и не настолько открыто, чтобы его презирали. Писание превосходило все формы знания самым своим стилем, поскольку в одном и том же речении и указывало на событие, и обнаруживало тайну, а повествуя о прошлом, возвещало будущее [*Моралии на книгу Иова* XX, 1].

В итоге четыре уровня смысла, а вернее, четыре способа интерпретации сформировались следующим образом (в иерархическом порядке от низшего к высшему): буквальный, или реально-исторический; аллегорический, или мистико-метафорический; тропологический, или морально-нравоучительный; анагогический, или духовно-эсхатологический. Закрепилось такое различие и в монументальной *Сумме богословия* Святого Фомы Аквинского (1225—1274).

С одной стороны, многозначность текста создавала путаницу, вводила в заблуждение и сводила на нет всю аргументацию, из чего следовало, что результатом многозначности и было заблуждение, а вовсе не доказательство. Но с другой стороны, автор Писания – Бог, который властен был выражать то, что Ему угодно выразить, не только посредством слов (что дано и человеку), но и посредством самих вещей, буквально, что само по себе можно было понимать в разных значениях – исторически, этиологически и аналогически. В той мере, в которой Ветхий Завет был прообразом Завета Нового, речь шла уже о смысле аллегорическом. Деяния Христа как руководство для наших собственных действий – это смысл тропологический. Наконец, в том, что все описанное указывало на вечную славу, заключалась анагогия [*Сумма богословия* I, 1, 10].

Вездесущий символизм может сегодня показаться нарочитым и неестественным, но для Средневековья он был живым дыханием мысли. Привычка видеть все вещи лишь в их познаваемой связи друг с другом и в их соотношении с вечностью поддерживала в мире умопостигаемых образов великолепие красок и давала возможность переходить нечетко очерченные границы.

Жизненная ценность символического толкования всего вокруг была неиссякаемой. Символизм, охватив собой и природу, и историю, создал видение мира более строгое в своем единстве и внутренней обусловленности, чем это способно было бы сделать естественнаучное мышление, основанное на причинности. В пространстве и времени появился нерушимый порядок, архитектурное членение, иерархическая субординация. Ибо всякая символическая связь необходимо предполагала наличие высшего и низшего: равноценные вещи не могли быть символами друг друга. В символическом мышлении существовало неисчислимое многообразие отношений между вещами – каждая вещь со своими различными свойствами могла быть символом множества других вещей, а одно и то же свойство могло обозначать несхожие вещи. Символов же, которыми наделяются вещи более высокого ранга, и вовсе бесконечно много. Ничто не являлось столь низким, чтобы не знаменовать собой нечто возвышенное и не служить бы его прославлению.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан [1 Кор. 13:12]. Для средневекового сознания любая вещь была бы бессмысленной, если бы значение ее исчерпывалось непосредственной функцией и внешней формой; с другой стороны, при этом все вещи целиком пребывали в действительном мире. Но тут не было противоречия – средневековый человек жил в пространстве, насыщенном знаками и иносказаниями, полном смысловых отсылок и проявлений Божественного в обыденном, в природе, постоянно говорившей на геральдическом языке.

Сегодня этот язык по большей части утрачен, и хотя мы по-прежнему распознаем символы вокруг нас, содержание их уже совершенно иное – в силу иных знаний и способов восприятия, вообще другой картины мира. Например, синий цвет нам представляется холодным, в Средневековье же он был теплым, цветом воздуха, теплого и сухого. Число двенадцать в большей степени отражало идею целостности и законченности, чем нынешнее десять. Символ всегда был весомее и подлиннее реальной вещи, которую он должен был представлять, потому что сама истина находилась вне реальности, в мире высшего порядка. Истинное и реальное были противопоставлены.

Физиолог: натурфилософия и символизм

Ясной, четкой и последовательной символической системы в *Физиологе* нет, что является еще одной его типично средневековой чертой. Несмотря на идеологическое единство, единой высшей логики, единого набора общепринятых аналитических процедур (в нашем современном их понимании) тогда не существовало. Между поведением всякого животного как таковым и его нравственным смыслом всегда была некая связь, но связь эта не была продиктована внутренней необходимостью – она изменчива и произвольна, а порой и случайна.

Наглядный пример такой неопределенности, а именно, когда смешаны два диаметрально противоположных варианта, можно найти в толковании *Физиолога* о нильве, звере, который пробирается в глотку спящего крокодила и убивает его, вытаскивая внутренности. С одной стороны, крокодил, как всякое чудовище, ассоциируется с преисподней, а нильв – с Христом, выводящим из нее души: «смерть и преисподняя образ имеют крокодила, который враждебен Господу Спасителю нашему... Иисус Христос, приняв земное тело, сходил в преисподнюю, разрушив все внутренности ее, до тех пор, пока не выхватил и не вывел тех, кто прежде умер, согласно святым обещаниям». С другой стороны, в поведении нильва недвусмысленно проследживается и момент вероломства и ничем не спровоцированной жестокости, в силу чего уже он сам уподобляется «преисподней непознаваемой, выхватывающей душу всякую и умерщвляющей».

Другой очевидный пример – пантера и кит. Из рта обоих исходит дивное благоухание, влекущее к ним всех прочих животных. Однако употребляют они это полезное свойство совершенно по-разному. Пантера – это «животное тихое, спокойное и чрезвычайно кроткое», никому не причиняющее вреда, а другие звери за ней просто следуют (хотя у более ранних греко-римских авторов это был свирепый хищник, использовавший свой запах в качестве приманки). Кит же, напротив, раскрывает рот и ждет, пока мелкие рыбы там не соберутся, затем «закрывает рот свой и проглатывает мелких всех этих рыбешек». В первом случае благоухание олицетворяет благие речи, во втором – «желания и искушения, словно запахи дьявольского коварства».

С точки зрения современной науки, вообще современного здравого смысла, истории *Физиолога* почти всегда неправдоподобны, однако считать их плодом невежества или художественного вымысла было бы неверно, как, впрочем, и всякую экзегезу. *Физиолог* – это сочинение все же не о природе, а о герменевтике природы. Его можно было бы сравнить с басней, столь же морализаторской и не обремененной чрезмерным сходством с реальностью, но в отличие от последней, где животным отведены определенные роли согласно дидактическому замыслу, здесь они вообще не вовлечены в действие, а урок извлекается не из самих историй, а из тех природных явлений, которые эти истории (предположительно) описывают.

Названия многих животных *Физиолога* вполне знакомы современному читателю, но лишь в редких случаях можно говорить о более или менее точном соответствии, особенно, учитывая их свойства, как правило, неизвестные сегодняшней зоологии. Парадокс состоит в том, что, интерпретируя природу, *Физиолог* не принимает во внимание реальные характеристики реальных животных – они попросту несущественны, коль скоро речь идет об идеальном Божественном замысле, а не о его физическом воплощении. Это и есть истинная «физиология». Кроме того, воображаемое всегда является частью реальности, само по себе – реальность.

В этой связи нельзя не сказать и о двух разных комплексах представлений о природе в Средние века, с обоими из которых связан *Физиолог*, и которые до некоторой степени определяют его специфику, – условно их можно обозначить как книжно-теоретические, то есть идущие еще из античной традиции, и народно-практические, сложившиеся из непосредственных наблюдений и мифологических воззрений. Эмпирический метод, некогда лежавший в основе

первых, оказался всецело заменен репутацией авторов, в то время, как в случае со вторыми попытки анализа и систематизации уступили место аналогиям и вере в сверхъестественное.

Эти две системы знаний не находились в полной изоляции друг от друга, но и не смешивались. Так, средневековый читатель, смотря на изображение бобра в бестиарии, обычно видел некое хищное животное, больше похожее на собаку, а вовсе не на тех бобров, которых он мог наблюдать воочию. И тут снова нет противоречия: бобр книжной миниатюры – это бобр книжных представлений, существовавший в параллельной книжной реальности неоплатонизма; реальный же бобр – это зверь, родственный ему по происхождению и по природе, но все же другой. Тем более это касалось и животных, которых сегодня принято считать фантастическими, вроде крылатой змеи или феникса. Независимо от того, насколько часто они встречались на самом деле, их существование в рамках книжной, ученой традиции не подвергалось сомнению. В этом смысле вся средневековая культура представляла собой не столько размышление о реальности, сколько комментарий к определенному культурному наследию.

Иным было и само понимание реальности. Физическая, измеряемая реальность брэнна и преходяща, будучи в такой перспективе менее значимой, чем реальность высшая, небесная. В итоге, всякая вещь обладала действенной ценностью лишь настолько, насколько она содействовала духовному восхождению, всякая красота являлась таковой лишь при виде Божественного Света, всякое искусство было излучением души, черпаемым у Божественного очага...

Что же касается собственно отбора материала, то в одних случаях, как представляется, автор *Физиолога* заимствовал его из Библии, а затем находил нужные аналогии у античных авторов-натуралистов, в других же, напротив, пересказывал полунаучные-полуморализаторские истории из известных сочинений, как классических, так и восточных и египетских, и придавал им религиозную окраску. Не исключено, конечно, что некоторые наблюдения были сделаны непосредственно с натуры – все животные, кроме двух (антилопы и бобра), встречались в ту эпоху в Северной Африке, родине *Физиолога* – однако сама книжная суть трактата плохо соответствует такому предположению.

Больше всего общих мест имеется в *Естественной истории* Плиния (ок. 23—79) – первой настоящей энциклопедии в истории Запада, в то время, как *История животных* Элиана (ок. 170—после 222) полна дидактических сопоставлений между поведением людей и животных. Параллели из этих и других ключевых сочинений греческих и римских авторов, от Аристотеля до Оппиана и от Эзопа до Ювенала, приводятся в хронологическом порядке в примечаниях к каждой главе следующего ниже перевода, коль скоро они предположительно послужили источником для натурфилософской части *Физиолога* или, во всяком случае, восходят к общим первоисточникам. Эти выдержки наглядно демонстрируют, как изменялись в христианском восприятии (да и разнились в античном) образы одних и тех же животных, а главное – как из объектов изучения превращались они в объекты истолкования. Цитаты, как правило, ограничены рамками материала, имеющегося в самом *Физиологе*, автор которого перенимал порой лишь малую толику доступных сведений, а именно, то, что лучше всего подходило для аллегорической трактовки.

Физиология царя зверей

Разберем более подробно случай льва, с которого начинаются едва ли не все варианты и списки *Физиолога* и большинство производных сочинений. Приблизительно с XI века он превращается в первого из всех зверей в средневековой Европе, каковая символическая нагрузка остается за ним по сей день, хотя основания для нее далеко не очевидны. В геральдике – одном из воплощений практического символизма – лев становится самой распространенной фигурой, присутствуя более, чем на 15% гербов (следующее за ним животное – орел, всего с 3%). Еще чаще встречается он в книжных миниатюрах, на гобеленах, в виде скульптур, барельефов, лепнины на светских зданиях и надгробиях, в церквях – снаружи и внутри, в нефе и на хорах, на полу, стенах, потолке, дверях и окнах. При этом, мало кто видит львов воочию, знают о них только по рассказам; в дикой природе Европы они исчезли еще в греко-римские времена, оставшись лишь в немногочисленных зверинцах на рынках и ярмарках.

В античной традиции лев никогда не занимал особого положения, не был даже первым среди равных. Главным животным у римлян служил орел, у германцев – медведь, а у кельтов – вепрь. В Библии лев упоминается часто (но не чаще всех), однако предстает как в положительном свете, так и – куда привычнее – в отрицательном. В Ветхом Завете лев обычно опасный, жестокий, свирепый, хитрый, нечестивый, олицетворяющий силы зла, врагов народа израильского, тиранов и дурных царей, вообще людей, живущих в пороке. Одновременно есть и добрый лев, который служит силой своей общему благу, и рычание его являет слово Божие, самое отважное из всех животных, ассоциирующееся с Давидом и его потомками, даже с Христом. Среди ранних Отцов Церкви единства по этому поводу тоже нет, но большинство все же видят во льве дьявольского зверя.

Иными словами, напрашивается вопрос о том, как в таких не особенно благоприятных обстоятельствах лев занимает в итоге свое лидирующее положение. Физиолог, вероятно, не первый, кто однозначно сопоставляет льва и Христа, но почти наверняка распространению этого образа Средневековье обязано именно ему. Лев, заматающий хвостом следы, чтобы сбить с толку охотников, – это Христос, который скрывает свою Божественность, облакаясь плотью во чреве Марии; он тайно перевоплощается в человека, чтобы тем самым ввести в заблуждение Дьявола. Лев, спящий с открытыми глазами, – это Христос в склепе: человеческая его оболочка покоится, но Божественная природа бодрствует. Лев, который на третий день оживает дыханием своих мертворожденных детенышей, олицетворяет Воскрешение. Лев-Христос становится царем львом.

Но как быть с негативными характеристиками льва? Решение находится простое и элегантное – вполне в духе Средневековья он превращается в отдельное животное, с собственным именем, чтобы не путать его со львом христологическим. Так появляется леопард – строго говоря, плод союза львицы с самцом пантеры – обладающий многими качествами и внешними формальными признаками льва (кроме гривы), но отличающийся дурной натурой. Много позднее это имя получит и вполне реальное животное.

Геральдический леопард – это в сущности лев, изображенный в профиль, но с головой в анфас, в то время, как у истинного льва и голова, и тело всегда в профиль. В средневековой зооморфной иконографии постанова животного в анфас почти неизменно имеет уничижительное значение.

Физиолог: версии и переводы

Подобно большинству текстов рукописной традиции, *Физиолог* – это целая библиотека, а не одно произведение. Он существует во множестве списков и версий, как почти идентичных, так и едва схожих, в связи с чем возникает проблема, какой из вариантов можно считать первоначальным или наиболее близким первоначальному. Самой первой рукописи, написанной рукой самого Физиолога – кем бы он ни был – не сохранилось, как обычно и бывает в таких случаях, остальные же так или иначе группируются по генеалогическому принципу, то есть в соответствии с тем, какие списки с каких протографов были переписаны. При этом, наиболее древняя рукопись вовсе не обязательно, конечно, содержит наиболее древнюю редакцию.

Греческий текст *Физиолога* сохранился в семидесяти семи рукописях, в основном средневековых. За исключением двух стихотворных вариантов текст этот прозаический и изначально, кажется, не содержал иллюстраций. По крайней мере, древнейшая иллюстрированная рукопись – уже латинская, а из всех греческих иллюстрации встречаются лишь в двенадцати. Ни один текст не совпадает полностью с другим, но их принято объединять в три или четыре версии, каждая из которых далее подразделяется на семьи.

Количество глав в разных рукописях *Физиолога*, и даже в разных редакциях и семьях, тоже различно – от двадцати одной до сорока восьми (в случае единственной рукописи – сорока девяти). По-видимому, первым составом следует считать именно сорок восемь глав. Из них сорок посвящено зверям и птицам, шесть – камням и две – растениям. Структура каждой главы почти всегда неизменна и явным образом распадается на две соразмерные по объему части – натурфилософскую, описывающую свойства (главным образом, этологические) соответствующих животных, и дидактическую, трактующую эти свойства в рамках религиозного символизма. Вторая часть, в свою очередь, часто разделяется на собственно богословскую, анаagogическую, и моральную, учительную.

В составе и расположении глав в большинстве версий трудно угадать какую бы то ни было систему, естественнонаучную или богословскую, разве что библейские цитаты в натурфилософских пассажах взяты в основном из Ветхого Завета, а в символических – из Нового. Иногда животные группируются по свойствам, иногда – по общим цитатам, иногда – по дидактическим выводам, но никогда в этом не прослеживается неизменной структуры.

В течение IV—V веков *Физиолог* расширяет границы своего влияния. Появляются переводы греческого текста (уже сделанные с разных редакций) на эфиопский, сирийский, армянский, коптский, арабский и грузинский языки, что кладет начало независимому параллельному развитию разноязычных версий.

С течением времени трактат появляется практически на всех народных европейских языках. Первым таким переводом становится англо-саксонский, датируемый второй половиной VIII века. Он же и самый краткий из всех и включает всего три стихотворных главы – о пантере, ките и птице (предположительно куропатке или фениксе). Вполне в духе древнегерманской поэтической традиции, этот текст предназначается, по-видимому, прежде всего для публичной декламации.

Несмотря на то, что англо-саксонскую версию объединяют с другими *Физиологами*, обращение с изначальным материалом в ней более, чем вольное, что, однако, нельзя назвать чем-то исключительным. Подобно тому, как сам *Физиолог* есть амальгама различных влияний, так и его версии и переводы с легкостью изменяются и приспособляются к разным культурам, будучи не только – а порой и не столько – источником информации, но и вдохновения.

Впоследствии *Физиолог* (более или менее) полностью переводится – в числе прочих – на среднеанглийский, древневерхненемецкий, фламандский, провансальский, голландский,

старофранцузский, итальянский, исландский, румынский, сербский и старославянский языки. В последнем случае перевод осуществляется в Болгарии в X—XI веках, а одним или двумя столетиями позже перерабатывается на Руси. Делаются и переводы с переводов.

Физиолог и бестиарий

На некотором этапе, в контексте все более обширной литературы, как натурфилософской, так и богословской, *Физиолог* начинает терять свое значение как самостоятельное произведение. В одних случаях он вливается – целиком или фрагментарно – во всевозможные средневековые энциклопедии, компиляции и трактаты, а в других плавно превращается в ранние версии бестиариев, которые появляются в XI—XII веках в Англии, Франции, Фландрии, Германии, Богемии и Северной Италии.

В широком смысле под бестиарием понимается всякое компилятивное сочинение о природе, но, строго говоря, собственно бестиарий (*liber bestiarum*), то есть зверинец, посвящен только зверям, в то время, как птицы оказываются помещенными в авиарий, растения – в гербарий, а минералы – в лапидарий. Часто эти жанры соединяются вместе, иногда же бытуют по отдельности.

Традиционный европейский бестиарий представляет собой, в сущности, расширенную версию В *Физиолога* (французские бестиарии, созданные позднее на старофранцузском языке, суть переводы версий В-Is и *Речений Златоуста*). Четкого разделения между *Физиологом* и собственно бестиарием, таким образом, нет, поскольку различие между ними скорее количественное, чем качественное. Степень близости греческому оригиналу соответственно определяет для каждой конкретной рукописи и степень принадлежности к жанру бестиария. В этом смысле сам *Физиолог* можно охарактеризовать как прото-бестиарий, особенно в версии В-Is, а всякий бестиарий – считать не жанром, а, подобно *Физиологу*, вариантом одного и того же текста.

Вместе с тем, в совокупности своей бестиарии обладают некоторыми отличительными чертами, самая очевидная из которых – объем. Бестиарии значительно (более, чем вдвое, а то и втрое) превосходят *Физиолог* по количеству глав, за счет добавлений к описанию прежних животных и включения новых, таких, как собаки и волки, медведи и мантикоры, грифоны и сатиры. Сами главы расположены уже согласно классификации Исидора Севильского (ок. 565—636), установленной в XII-ой книге его *Этимологий*: четвероногие, птицы, змеи, рыбы, деревья, камни. Материал скомпилирован из более широкого круга источников, в том числе собственно средневековых (то есть более поздних по отношению к *Физиологу*), а некоторые главы не сопровождаются религиозными толкованиями. В ряде случаев в бестиариях затрагиваются такие темы, как устройство Вселенной или сотворение мира и человека, что позволяет рассматривать их как энциклопедии или, напротив, мистико-богословские трактаты.

Наконец, подавляющее большинство бестиариев богато иллюстрировано, что для античных рукописей вообще (в том числе зоологического содержания) и для *Физиолога* в частности совершенно нетипично, причем изображается, как правило, натурфилософская, а не дидактическая часть.

Надо заметить, что иллюстрации в средневековых рукописях вовсе не имели ни декоративного, ни репрезентативного предназначения (аналогичная история была и с портретами – в них не предполагалось портретного сходства). Цель их была глубоко практическая – облегчить читателю, особенно не самому искушенному, понимание и запоминание нравственных уроков, содержащихся в тексте. Именно поэтому натурализм в них встречался редко, даже в отношении тех животных и растений, которые, казалось бы, хорошо были известны художникам, а тем более – тех, облик которых знали только по другим рукописям, фрескам и мозаикам. Многие звери рисовались и напрямую из воображения, чему, видимо, мы обязаны многочисленными чудовищами на страницах бестиариев, хотя в принципе чудовища и обычные животные в средневековом мышлении не разделялись.

Чудовища на фасадах соборов – своего рода общедоступный бестиарий – наряду с библейскими сюжетами и сценами были еще одним выражением того же образного мышления. Все, что простолюдины не могли постичь непосредственно через Писание, следовало преподавать им через зримые образы.

Бестиарии принято считать одним из типичных образцов средневековой литературы, и они, очевидно, пользовались определенным успехом, но их популярность не стоит переоценивать. Во всяком случае, до сегодняшнего дня их сохранилось всего около сотни, причем в основном из одной только Англии, а на Иберийском полуострове и в Скандинавии они были и вовсе неизвестны.

Это неудивительно, коль скоро всякая рукописная книга, а тем более иллюстрированная, была в XII и XIII веках предметом роскоши, которую могли позволить себе лишь крупные монастырские или кафедральные библиотеки, редкие частные собрания, принадлежавшие королям и аристократам, несколько позднее – университеты. Доступ туда имели сравнительно немногие, да и общий уровень грамотности был не слишком высоким.

С другой стороны, сам текст бестиариев, как и наличие миниатюр, предполагал, по-видимому, предельно широкую аудиторию, в том числе детскую. Есть косвенные свидетельства того, что бестиарии, подобно Псалтири, использовались в школьном образовании, пусть их распространение и нельзя было назвать массовым. Действительно, с педагогической точки зрения бестиарий – это идеальный учебник, наставлявший и в латинском языке, и в знании об окружающем мире, и в нормах общественного поведения, и в христианской морали и вообще основах веры, равно как и в методе символического истолкования как такового, а к тому же занимательный и полный чудесных историй. Обучение в Средневековье состояло, прежде всего, в поиске и разгадывании скрытых смыслов.

Конечно, в бестиариях, как и в *Физиологе*, встречаются темы вроде прелюбодеяния или пьянства, которые сегодня могут показаться неподходящими для детей, однако, в Средние века подобных предрассудков не было – дети и взрослые различались только своими физическими возможностями, но не психологическими особенностями.

Аналогичным образом бестиарии, наряду с Библией, собственно *Физиологом* и святоотеческими писаниями, использовались, вероятно, и проповедниками, в качестве источника простых и ясных нравоучительных примеров (сборники таких примеров известны еще со времен античности). В дошедших до наших дней образцах средневековой дидактично-гомилической и агиографической литературы встречается множество зооморфных историй. В пользу этого как будто бы говорит и стиль текста, больше ориентированный на чтение вслух.

Каким бы ни было, однако, истинное предназначение бестиариев, не следует забывать, что подобно разным спискам *Физиолога*, они создавались разными людьми, в разное время, в разных местах и с разными целями (причем, все эти факторы остаются обычно предметом догадок), так что, несмотря на их кажущуюся общность, каждый мог их использовать по-своему.

Впоследствии, в XIV—XV веках, латинские бестиарии постепенно уступают место энциклопедиям, охватывающим значительно более широкий материал и, что любопытно, куда менее морализаторским. Число их измеряется уже многими сотнями, что на порядок больше, а *Физиолог* и бестиарии уходят в небытие. Количество знания растет, трансформируется и отношение к самой его сущности и аксиологии. Мир становится ценным сам по себе, различать невидимое в видимом теперь не так важно. В стремлении прочесть природу, постигнуть ее скрытый смысл первостепенное значение приобретает самый поверхностный из всех уровней интерпретации – буквальный. Ознаменовавшая конец Средневековья эпоха Возрождения и появление науки Нового времени закрепляют эти перемены и приносят их в следующее тысячелетие.

Латинский Физиолог

Латинский перевод *Физиолога* – один из самых ранних – был, вероятно, сделан около рубежа IV и V веков. Правда, латинские писатели, которые его цитировали, могли пользоваться и греческой версией. В конце V века, однако, существование перевода кажется уже весьма вероятным – папа Геласий (492—496) включил некий – но тот ли самый? – *Физиолог* (за апокрифическим авторством Святого Амвросия) в список еретических сочинений, запрещенных Церковью. Этот запрет, впрочем, никогда не соблюдался и не возобновлялся, хотя канонического статуса текст тоже не приобрел.

В Европе *Физиолог* изучали уже сразу по латинским переводам – греческий язык не имел широкого распространения. Латинский же текст воспринимался как оригинальный, а сомнений в его точности и вообще в отношении к греческому подлиннику и вовсе не возникало, хотя они были далеко не идентичны.

В целом латинский *Физиолог* гораздо более средневековый по духу, чем греческий. Так, например, текст кажется гораздо более морализаторским, причем с изрядной долей упрощения – аллегории буквальны и безыскусны, а нравственный и духовный урок, извлекаемый из них, прямолинеен и лишен философских тонкостей. Отсылки к классической мифологии практически не осталось, а цитаты и парафразы из Священного Писания, напротив, умножились, при этом потеряв в разнообразии. Материал некоторых глав оказался перекомпонован, а иногда – и переписан.

Выделяют четыре латинские версии: А, В (B-Is), С и Y, происходящие, как кажется, от разных греческих версий. Как и в случае с последними, все они сохранились в позднейших списках (самый ранний – VIII века), и только две, относящиеся к версиям А и С, содержат иллюстрации. Версии различаются количеством и расположением глав, а также объемом и степенью развития аллегорического материала.

Версия В, датируемая примерно IV веком, содержит тридцать шесть глав. Равновесная двухчастная структура каждой главы претерпела здесь пропорциональные изменения – теперь натурфилософская часть довольно скудна, а дидактическая не только обычно больше по объему, но и, хотя является, очевидно, комментарием, играет главенствующую роль. В этой второй части, в свою очередь, почти неизменно присутствуют библейские цитаты и парафразы, как из Ветхого, так и из Нового Завета (больше всего из Псалтири и Евангелий от Матфея и Иоанна). Весьма близка этой версии независимая от нее версия А, появившаяся не позднее X века. Она также насчитывает тридцать шесть глав, но состав и порядок их другой.

Непосредственно от версии В происходит несколько версий, из которых наиболее значимой является версия B-Isidore, не позднее XII века, – в ней сохраняется тот же порядок глав и то же содержание, с незначительными расхождениями, но имеются выдержки из *Этимологий* Исихора, добавленные ко всем главам, кроме семи (любопытно, что в самих *Этимологиях* практически нет морализаторства). Хотя эти дополнения не включены в основной текст, а помещены в конце глав с соответствующими подзаголовками, предполагается, что это первое существенное изменение текста *Физиолога* (не считая сокращения). Другая важная производная версия – это *Речения Златоуста*, приписываемые Иоанну Златоусту (ок. 347—407), константинопольскому патриарху и еще одному возможному автору собственно *Физиолога*, но созданные, скорее, во Франции на рубеже первого и второго тысячелетий. В этом тексте насчитывается, как правило, двадцать семь глав только зоологического содержания.

За версией В хронологически следует, вероятно, несколько более поздняя версия Y, около IV—V веков. Она, однако, гораздо ближе первоначальной греческой версии – главы там в основном короче, особенно в части толкования (последнее также несколько различается),

и библейских цитат в них меньше, самих же глав намного больше, почти столько же, сколько и в греческой версии – сорок девять (некоторые оказались разделены надвое).

Самые ранние рукописи версии С были созданы около IX века и насчитывают до двадцати шести глав, причем это единственная версия, в которой имеются две главы, не встречающиеся ни в одной другой версии, в том числе греческой. Остальные главы следуют за оригиналом, однако их порядок повторяет уже эфиопские переводы. По содержанию обе составляющие, и натурфилософская, и дидактическая, несколько расширены, а ряд библейских цитат дан полнее.

Специфической производной – и весьма вольной – версией латинского *Физиолога* был так называемый *Физиолог Теобальда*, состоявший из двенадцати или тринадцати стихотворных глав о животных (включая одну новую главу – о пауке). Это сочинение пользовалось в Средние века исключительной популярностью, вплоть до того, что его – снабженное глоссами и комментариями – читали в качестве школьного учебника.

Как явствует, во всех латинских версиях, кроме одной, количество глав значительно меньше, чем в греческой. Как и в случае с последней, впрочем, наверняка определить критерии отбора материала нельзя. Возможно, переписчик не понял тот или иной фрагмент текста, или счел его не вполне подходящим. Возможно, рукопись, с которой делался список, была дефектна или неполна, или не хватало пергамена, чтобы скопировать ее целиком. Об истинных причинах остается только догадываться.

Физиолог: русский перевод

В настоящей книге представлен первый в русскоязычной литературе составной перевод всех латинских версий, существующих в критических изданиях, а именно, уже упомянутых В, В-Is, Y и С.

За основу взята версия Y как наиболее полная и близкая греческому оригиналу. Она переведена целиком и снабжена подробными текстологическими комментариями в примечаниях, включая разночтения с другими версиями и с греческим текстом (последние указаны только тогда, когда они носят смысловой – но не стилистический – характер).

Во всех случаях, где версия В является более полной по содержанию, фрагменты ее интерполированы в основной текст в [квадратных скобках]. Языковые различия – а их довольно много – касаются в основном синонимичных слов и конструкций, не оказывающих заметного влияния на общий смысл, и поэтому, как правило, они не обозначены, тем более, что передать их средствами перевода в принципе затруднительно.

Интерполяции из версии В почти всегда повторяют и близкую ей версию В-Is, однако, в редких случаях в последней есть новый материал, порой весьма обширный, особенно в дидактической части. Он обозначен {фигурными скобками}. Что касается добавлений из *Этимологий* Исидора, то они не включены, поскольку их единство с основным текстом никогда и не предполагалось.

Наконец, немало новых деталей (и две новые главы) можно встретить и в версии С – они помещены в <угловые скобки>. Этих деталей, если иное специально не оговорено, нет и в версиях В и В-Is.

Везде, где прямая интерполяция была невозможной, все разночтения с версией Y даны в примечаниях, при этом, сопоставления версий В, В-Is и С друг с другом не проводилось. Все добавленные фрагменты представляют особый интерес в свете того, что они, как правило, являются изначально латинскими, то есть отсутствуют также и в начальной греческой версии.

Несмотря на широкую популярность и безусловную значимость в истории европейской культуры и искусства, текст латинского *Физиолога* не обременен чрезмерным стилистическим изяществом и в этом отношении весьма далек от лучших образцов латинской словесности. Переводчики и переписчики не всегда ясно представляли себе, о чем шла речь, порой переводя буквально, в результате чего идиома одного языка теряла смысл в другом, а порой и с легкостью переиначивая текст по своему вкусу и разумению, – добавляли или убирали отдельные пассажи, меняли порядок глав.

Нужно помнить и о том, что в Средние века латынь уже едва ли для кого была родным языком, несмотря на ее повсеместное распространение в образованных – прежде всего, церковных – кругах. Конечно, языковой нормы не существовало и в античности, но единство языка обеспечивалось относительно высоким культурным уровнем его носителей. В последующие века этот уровень снизился и приобрел большую неравномерность, от региона к региону и от монастыря к монастырю, а тот факт, что переписчикам нередко приходилось делать копии с копий, приводил к тому, что количество ошибок и описок только росло.

В результате, в дошедших до нас текстах одни слова без необходимости повторяются, другие, наоборот, опущены. Части предложений нередко грамматически не согласованы, особенно в том, что касается местоимений и времен. Обилие бессмысловых слов, вроде *et* (и) и *autem* (же) тоже не добавляет особой элегантности, как и специфическая логика изложения. При этом, синтаксически текст сравнительно прост и лишь в редких случаях допускает существенно разные трактовки.

При переводе ставилась задача передать не только содержание *Физиолога*, но и в некоторой степени его форму, а, иначе говоря, то впечатление, которое он мог производить на образованных читателей поздней античности и Средневековья.

Например, русский текст часто выглядит, как довольно неуклюжий перевод, но ровно в той мере, в какой именно так выглядит и текст латинский, который и был по большей части неуклюже переведен. Вместе с тем, русский перевод не подстрочный и следует оригиналу настолько, насколько это все же не слишком противоречит нормам русского языка, поэтому в целом он представляется несколько более аккуратным.

Кроме того, решено было воссоздать некоторые визуальные черты текста, характерные для античности и Средних веков, – например, его сплошную структуру, выделяя абзацы лишь соответствующими знаками, но не новой строкой (такая практика была распространена в раннепечатных изданиях; в рукописях деление на абзацы часто вообще никак не обозначалось). В том же духе и строчные буквы сохранены только в начальных словах предложений и не используются в именах собственных.

Названия животных, не понятые латинским переводчиком (и, следовательно, не понимавшиеся и читателями), оставлены без исправлений, даже если по содержанию ясно, какое животное имеется в виду. Те же, которые упоминаются в Библии, даны – везде, где это допустимо – в Синодальном переводе (СП). Это касается и многочисленных библейских цитат и парафразов (они выделены *курсивом*). Неточности в цитировании (относительно Вульгаты – BV) также сохранены, а все разъяснения даны в примечаниях. Надо заметить, однако, что значительная часть цитат приводится в *Физиологе* по латинским переводам Библии, предшествовавшим Вульгате, чем отчасти и объясняются многочисленные расхождения.

Наконец, что касается культурного впечатления, то его, в отличие от языкового, передать едва ли возможно. Количество и, что более важно, качество информации, охватываемое одной только школьной программой сегодня, ставит современного обывателя и интеллектуала тысячелетней давности в неравное положение. То, что тогда воспламеняло воображение, наталкивало на размышления и наставляло на путь истинный, теперь кажется собранием нелепых курьезов и плодом (не вполне здоровой) фантазии, приправленным навязчивым и сомнительным морализаторством.

Вместе с тем, мерить одну идеологию нормами другой по меньшей мере неразумно. Кажущееся противоречивым сегодня тысячелетие назад не вызывало сомнений, и наоборот. Попытка это осознать и взять за отправную точку, отбросив предрассудки современности и иллюзию собственного превосходства, позволит на долю мгновения взглянуть на мир глазами человека Средневековья и, возможно, увидеть незамеченное прежде.

Настоящий перевод иллюстрирован миниатюрами из самой ранней рукописи латинского *Физиолога* IX века и средневековых бестиариев XII—XIV веков, а также гравюрами из двух первых изданий *Физиолога*, 1587 и 1588 годов.

Избранная библиография

Zambon, Francesco (cur.) Bestiari tardoantichi e medievali: I testi fondamentali della zoologia sacra christiana. Firenze; Milano: Bompiani, 2018. P. 3—367.

Carmody, Francis J. (ed.) Physiologus Latinus: editions preliminaires, versio B. Paris: Libraire E. Droz, 1939. 62 p. [Versio B]

Carmody, Francis J. (ed.) Physiologus latinus versio Y // University of California Publications in Classical Philology. Vol. XII. 1933—1944. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1944. P. 95—134. [Versio Y]

Mann, Max Friedrich Der Bestiaire Divin des Guillaume le Clerc // Franzoesische Studien. B. VI, H. 2. Heilbronn Henninger, 1888. S. 37—73. [Versio B-Is]

Steiger, Christoph; Hamburger, Otto (herausg.) Physiologus Bernensis, Voll-Faksimile-Ausgabe des Codex Bongarsianus 318. Basel: Alkuin-Verlag, 1964. 120 S. [Versio C]

Белова, О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. Москва: Индрик, 1999. 320 с.

Иванова-Казас, О. М. Животные в мифологии и в изобразительном искусстве: История размежевания фантастической и научной зоологии. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. 254 с.

Иванова-Казас, О. М. Мифологическая зоология. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 264 с.

Карнеев, А. Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Санкт-Петербург: Императорское Общество любителей древней письменности, [1890]. 464 с.

Пастуро, Мишель Символическая история европейского Средневековья. Санкт-Петербург: Александрия, 2013. 448 с.

Средневековый бестиарий / Ст. и комм. К. Муратовой. Москва: Искусство, 1984. 244 с.

Физиолог / Изд. подг. Е. И. Ванеева. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 168 с.

Физиолог александрийской редакции / Пер. Я. И. Смирнова. Москва: Дыхание, 1998. 67 с.

Физиолог александрийской редакции / Под ред. О. В. Беловой. Москва: УНИК, 1998. 136 с.

Хейзинга, Йохан Осень Средневековья. Москва: Наука, 1988. 544 с.

Шарбонно-Лассэ, Луи Бестиарий Христа. Энциклопедия мистических существ и животных в христианстве. Том 1. Части I—VIII. Москва: ТД Велигор, 2017. 576 с.

Эко, Умберто Искусство и красота в средневековой эстетике. Москва: АСТ; CORPUS, 2014. 352 с.

Юрченко, А. Г. Александрийский Физиолог. Санкт-Петербург: Евразия, 2001. 448 с.

Barber, Richard (transl.) Bestiary: Being an English Version of the Bodleian Library, Oxford M.S. Bodley 764. Woodbridge: Boydell Press, 1993. 206 p.

Baxter, Ron Bestiaries and Their Users in the Middle Ages. Stroud: Sutton Publishing; London: Courtauld Institute, 1998. xiv, 242 p.

Benton, Janetta Rebold Medieval Menagerie: Animals in the Art of the Middle Ages. New York: Abbeville Press, 1992. 192 p.

Carlill, James (transl.) Physiologus // The Epic of the Beast. London: George Routledge & Sons Ltd.; New York: E.P. Dutton & Co., 1924. P. 153—250.

Clark, Willene B. A Medieval Book of Beasts. The Second-Family Bestiary: Commentary, Art, Text and Translation. Woodbridge: The Boydell Press, 2006. 280 p.

Cook, Albert Stanburrough (ed.) The Old English Elene, Phoenix and Physiologus. New Haven: Yale University Press; London: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1919. xc, 240 p.

Cook, Albert Stanburrough (ed.) The Old English Physiologus. New Haven: Yale University Press; London: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1921. vi, 25, [5].

Cronin, Grover The Bestiary and the Mediaeval Mind – Some Complexities // *Modern Language Quarterly*, No. 2 (1941). P. 191—198.

Curley, M.J. Physiologus, Physiologia and the Rise of Christian Nature Symbolism // *Viator: Medieval and Renaissance Studies*, No. 2 (1980). P. 1—10.

Curley, Michael (transl.) Physiologus: A Medieval Book of Nature Lore. Chicago & London: University of Chicago Press, 2009. xlviii, 92 p.

Diekstra, F.N.M. The *Physiologus*, the Bestiaries and Medieval Animal Lore // *Neophilologus: An International Journal of Modern and Mediaeval Language and Literature*, 69:1 (1985). P. 142—155.

Docampo Alvarez, Pilar; Martinez Osende, Javier; Villar Vidal, Jose A. La Version C del Fisiologo Latino: El Codex Bongarsianus 318 de Berna // *Medievalismo*, 10 (2000). P. 27—67.

Eden, P.T. (ed.) Theobaldi «Physiologus». Leiden; Koeln: E.J. Brill, 1972. viii, 82 p.

Elliott, Thomas J. A Medieval Bestiary. Boston: Godine, 1971. [40] p.

Evans, E.P. Animal Symbolism in Ecclesiastical Art. London: William Heinemann, 1896. xii, 376 p.

Hassig, Debra Medieval Bestiaries: Text, Image, Ideology. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. xx, 300 p.

Henkel, Nikolaus Studien zum Physiologus im Mittelalter. Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1976. xii, 228 S.

Kaimakis, Dimitris Der Physiologus nach der ersten Redaktion. Meisenheim am Glan: A. Hain, 1974. 170 S.

Lauchert, Friedrich Geschichte des Physiologus. Strassburg: Verlag von Karl J. Truebner, 1889. xiv, 314 S.

McCulloch, Florence Medieval Latin and French Bestiaries. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1962. 212 p.

Mirandola, Lorena Chimere divine. Storia del Fisiologo tra mondo latino e slavo. Bologne: CLUEB, 2001. 226 p.

Muradyan, Gohar Physiologus: The Greek and Armenian Versions with a Study of Translation Technique. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2005. 216 p.

Owst, Gerald Robert Literature and Pulpit in Medieval England. Cambridge: At the University Press, 1933. xxiv, 616 p.

Pastoureau, Michel Bestiaires du Moyen Age. Paris: Seuil, 2011. 238 p.

Perry, Ben E. Physiologus // *Pauly-Wissowa, Real-Encyclopaedia der classischen Altertumswissenschaft*. Vol. 20. T. 1. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1941. Col. 1074—1129.

Ponce de Leon, D. Consalus (ed.) Sancti Patris Nostri Epiphanii Episcopi Constantiae Cypri ad Physiologum. Roma: Apud Zannettum & Ruffinellum, 1587. [16], 122, [10] p.

Ponce de Leon, D. Consalus (ed.) Sancti Patris Nostri Epiphanii Episcopi Constantiae Cypri ad Physiologum. Antverpia: Ex Officina Christophori Plantini, 1588. [16], 124, [12] p.

Rendell, Alan Wood (transl.) Physiologus: A Metrical Bestiary of Twelve Chapters by Bishop Theobald. London: John & Edward Bumpus, 1928. xxviii, [34], 100, [16] p.

Salisbury, Joyce E. The Beast Within: Animals in the Middle Ages. New York & London: Routledge, 2010. 216 p.

Sbordone, Francesco (ed.) Physiologus. Mediolanum: In aedibus societatis «Dante Alighieri-Albrighi, Segati et C.», 1936. cxix, 332 p.

Verner, Lisa The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages. Abingdon & New York: Routledge, 2005. 186 p.

Villar Vidal, Jose A.; Docampo Alvarez, Pilar El Fisiologo Latino: Version B: 1. Introduccion y texto latino // Revista de Literatura Medieval, XV/1 (2003). P. 9—52.

Villar Vidal, Jose A.; Docampo Alvarez, Pilar El Fisiologo Latino: Version B: 2. Traducccion y comentarios // Revista de Literatura Medieval, XV/2 (2003). P. 107—158.

Wellmann, Max Der Physiologos: eine religionsgeschichtlich-naturwissenschaftliche Untersuchung. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1930. [8], 116 S.

White, T.H. The Book of Beasts: Being a Translation from a Latin Bestiary of the Twelfth Century. London: Cape, 1954. 296 p.

Zucker, Arnaud Der Physiologus: Ein christliches Modell der Tiernaturen // *Tori, Luca & Steinbrecher, Aline (herausg.)* Animalia: Tiere und Fabelwesen von der Antike bis zur Neuzeit. S.l.: Skira, 2012. S. 101—111.



Физиолог

О льве



Мы начинаем говорить сперва о льве, царе всех <животных и> зверей. ¶ Иаков, благословлявший сына своего иуду, сказал: *Молодой лев иуда*. ¶ Физиолог, который писал о природе этих слов, сказал, что лев имеет три природы. ¶ Первая природа такова: ¶ Когда рыщет лев в горах, идя по чутью, и обнаруживает запах охотника, то хвостом замечает следы свои там, где ступал, чтобы не пошел охотник по следам его и не нашел логово его и не захватил его самого. ¶ Так и спаситель наш, духовный <побеждающий> *лев от колена иудина, корень давидов*, посланный отцом равновечным, сокрыл познаваемые следы свои, то есть божественность свою, от иудеев неверующих: с ангелами – ангел, с архангелами – архангел, с престолами – престол, с силами – сила; спускаясь до тех пор, пока не спустился в утробу девы, чтобы спасти погибший род человеческий. *И слово стало плотью и обитало с нами*. И те высшие, которые не ведали ни о схождении его, ни о вознесении, говорили: *Кто сей царь славы?* И ангелы, выведившие его, отвечали: *Господь сил. Он – царь славы*. ¶ Вторая природа льва такова: ¶ Когда он уже заснул, глаза его бодрствуют, ибо остаются открытыми. ¶ В песне песней возлюбленный подтверждает это, говоря: *Я сплю, а сердце мое бодрствует*. Воистину, телесно господь мой спал на кресте, но божественность его всегда *одесную отца* бодрствует. *Не дремлет и не спит хранящий израиля*. ¶ Третья его природа такова: ¶ Когда львица рождает детеныша своего, она рождает его мертвым. И львица оберегает его три дня, до тех пор, пока на третий день не придет отец его и, подышав на третий же день ему в лицо, не поднимет его. ¶ Так всемогущий отец лишь на третий день поднял *рожденного прежде всякой твари* из мертвых, <господа иисуса Христа>. Поэтому хорошо сказал иаков: *Иуда – молодой лев, кто поднял его?*



«Льва же египтяне сближают с солнцем, ибо он, единственный из всех кривокогтистых зверей, производит на свет детенышей зрячими, спит он ничтожное время, и во время сна его глаза поблескивают». – *Плутарх* Застольные беседы IV.5 (670С) (здесь и далее это сочинение цитируется по следующему изданию: *Плутарх* Застольные беседы / Пер. Я. М. Боровского. – Л.: Наука, 1990. – 592 с.).

«Лев [...] рождается зрячим и с часа своего рождения уже в некоторой мере свиреп и готов ко всяким делам. Другие замечали, что и во сне лев двигает своим хвостом, показывая, как можно ожидать, что он не в полном покое, и что, хотя сон и одолел его, все же не подчинил, как всех прочих животных. Египтяне, как говорят, утверждают, что замечали в нем нечто такого рода, допуская, что лев – выше сна и всегда бодрствует. И я уверен, что по этой причине они соединили его с солнцем, поскольку, как известно, солнце из богов трудится больше всех, видно ли его над землей или же движется оно под ней». – *Элиан* О природе животных V.39 (здесь и далее это сочинение цитируется по следующему изданию: *Aelian On the Characteristics of Animals* / Trans. by A.F. Sholfield. – 3 Vols. – L.: William Heinemann Ltd; Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1958—59. – xxx, 360 p. (vol. I); viii, 414 (vol. II); viii, 446 (vol. III).

«Когда лев ходит, не движется прямо вперед и не позволяет следам своим оставаться видимыми и понятными, но идет то вперед, то назад, то придерживается одного направления, то выбирает противоположное. Затем он ходит туда-сюда, заматавая свои следы, чтобы охотник не смог его преследовать и с легкостью обнаружить его логово, где он отдыхает и живет со своими детенышами. Эти привычки льва суть особый дар природы». – *Элиан* О природе животных IX.30.

«Изображая бодрствование или стража, рисуют голову льва, поскольку лев, бодрствуя, смыкает глаза, а во сне имеет их открытыми, что и означает „быть настороже“ поэтому символически замки святилищ покрывают [изображением] львов как стражей». – *Гораполлон* Иероглифика I.19 (здесь и далее это сочинение цитируется по следующему изданию: *Гора-египтянина, сына Аполлона, Иероглифика* / Пер. А. Г. Алексаняна. – www.egyptology.ru).



В Библии лев появляется как в положительном (напр., в книге Бытия), так и в отрицательном (напр., в книгах Иезекииля и Исаии) образах, однако *Физиолог* трактует его только положительно. Подробнее об этом см. вступительный очерк. В бестиариях также: *leun*, *lyon*. Льву иногда приписываются дополнительные свойства (обычно прескриптивно-антропоморфные): он убивает, лишь когда очень голоден; не ест добычу предшествующего дня; никогда не нападает на павшего; не склонен к гневу; смотрит в землю, если окружен; излечивается от болезни, съедая обезьяну; подобно медведю, совокупляется лицом к лицу; львица рождает сперва пять львят, а затем каждый год – на одного меньше. Изредка различают два вида львов: робкого, с коротким телом и вьющейся шерстью, и яростного, с длинным телом и прямой шерстью.



Молодой лев юда – Быт. 49:9. Букв. (и в BV): *catulus leonis* (детеныш льва).

лев от колена юдина... – Апок. 5:5. В версии В: ...*корень Иессеев* [Ис. 11:10], сын Давидов.

познаваемые – Букв.: *intelligibilia* (здесь и везде далее по тексту переведено как «познаваемые» – умопостигаемые, то есть такие, в которых можно распознать глубинные уровни смысла, прежде всего, аллегорический и моральный).

от иудеев неверующих – отсутствует в греч. версии (здесь и далее сверка с греч. версией сделана по следующему изданию: Физиолог – Изд. подг. Е. И. Ванеева. – СПб: Наука, 1996. – С. 124—156).

с ангелами – ангел... – Речь, видимо, идет о том, что ангельские силы противились человеческому воплощению Христа, в силу чего он вынужден был, спускаясь на землю, скрывать свою истинную природу, принимая облик, соответствующий каждому из ангельских чинов. Этот взгляд был распространен в гностических сектах раннего христианства, но впоследствии был признан еретическим. Ср., напр.: «нет иного Бога, кроме Единого. Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, – так как есть много богов и господ много, – но у нас один Бог Отец» (1 Кор. 8:4—6); « [державною силою] Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем» (Еф. 1:20—21).

И слово стало плотию... – Ин. 1:14. Букв. (и в BV): *in nobis* (в нас).

Господь сил... – Пс. 23:10.

Я сплю, а сердце мое... – Песн. 5:2.

одесную отца – «Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы» (Мф. 26:64).

Не дремлет и не спит... – Пс. 120:4. Здесь/СП: наст. вр.; BV: буд. вр (*non dormitabit neque dormiet*).

рожденного прежде... – Кол. 1:15. В версии В вместо цитаты: *Господа нашего Иисуса Христа Сына Своего*.

Иуда – молодой лев... – Быт. 49:9. См. выше. Здесь: прош. вр; BV/СП: буд. вр. (*suscitabit*/«поднимет»).

Об автолопе



Есть животное, которое называется автолопом, столь необыкновенно чуткое, что охотник не может к нему приблизиться. Оно имеет длинные рога, имеющие форму пилы, так что может спиливать могучие и высокие деревья и валить их на землю. Если же испытывает жажду, идет к ужасной реке евфрат и пьет. ¶ Там же растут ричины, называемые так по-гречески, то есть кусты, имеющие тонкие ветви. И подходит, играя, к этому кусту ричины и запутывается в его ветвях. И вызывает [громким голосом], желая убежать, и не может, оставаясь запутавшимся. Слыша его, охотник приходит и убивает его. ¶ О [человек божий], *жительство которого – на небесах*, [желающий быть трезвым и целомудренным и духовно жить], вооружившись силой обоих рогов, воздерживайся от злоречий и удовольствий, враждебных страстей и мирского блеска – с тобою радуются силы ангелов [и все силы небесные]. Два рога суть два завета, [которыми можешь отсекать и вырезать из тебя все пороки телесные, то есть прелюбодеяние, блуд, сребролюбие, зависть, гордыню, убийство, клевету, пьянство, роскошь]. ¶ Но смотри, чтобы не захватила тебя непритязательнейшая эта ричина, то есть малый куст, который по случаю может тебя покрыть. И захвачен ты путами ее, и злой охотник убьет тебя, то есть диавол. [Итак, бойся, человек божий, пьянства, не запутывайся в излишествах и наслаждениях – и не убьет тебя диавол]. *Вина же и женицин мудрый муж избегает.*



Согласно Плинию, рога антилопы загибаются в противоположные стороны (Естественная история XI.45; здесь и далее это сочинение цитируется по следующему изданию: *Pliny Natural History* / Trans. by H. Rackham, W.H.S. Jones, D.E. Eichholz. – 10 Vols. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press; L.: William Heinemann Ltd, 1949—62. – xiv, 378, 8, [2] (vol. I); x, 664, 8 (vol. II); x, 616, 8 (vol. III); viii, 556, 8 (vol. IV); viii, 544, 8 (vol. V); xxvi, 532, [2], 8 (vol. VI); xiv, 558, [2], 8 (vol. VII); viii, 696, [2], 8, [2] (vol. VIII); viii, 422, 8, [2] (vol. IX); xviii, 344 (vol. X)).

«Есть зверь один с острыми рогами, который обитает в зарослях [...]. Высоко вздымаются острия его рогов, отливающих черным, и они прочнее отточенной бронзы или холодного железа или обломанного камня и, говорят, обладают ядовитой природой. Дух этого зверя тверд и негибем [...], не боится он и людей – немало храбрых охотников погибли на холмах, повстречав его». – *Оппиан* О псовой охоте II (445—448) (здесь и далее это сочинение цитируется по следующему изданию: *Oppian Cynegetica, or The Chase* // Oppian, Colluthus, Tryphiodorus / Trans. by A.W. Mair. – L.: William Heinemann Ltd; N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1928. – p. 2—198).

«Слышал я, что египтяне утверждают, будто антилопа первой из всех животных знает, когда восходит Сириус, подтверждая сей факт чиханием». – *Элиан* О природе животных VII.8.

Животное, описываемое в этой главе, совершенно необязательно соответствует современной антилопе. Часто его отождествляют с ориксом, упоминаемым в Библии (напр., Втор. 14:5), – кем бы он ни был. В bestiариях также: *antalops*, *antule*, *aptalon*, *aptalops*, *entulla*. Иллюстрации в bestiариях (где рассказ об антилопе в основном следует за *Физиологом*) тоже не добавляют определенности; все они весьма различны и могут изображать антилопу больше похожей на рогатых собаку и лошадь, быка или корову.



Об автолопе. Искажение от греч. *antholops* (лат. *antilope*). В разных латинских списках это слово написано по-разному – и неизменно ошибочно (в версии В: *autolops*, в версии С: *antelups*; также *antula*, *autalops*, *autula*). По всей видимости, переводчикам и переписчикам оно было совершенно незнакомо. В славянских переводах – гидропа.

необыкновенно чуткое – *Acerrimum nimis* – можно было бы предположить, что речь идет об обладании особенной остротой (рогов), а не о чуткости, коль скоро само слово *antholops*

означает «рогатое животное», а основное значение *acer* – острый. Это согласуется по смыслу и со следующим предложением. Вместе с тем, судя по орфографии, латинский переводчик не понимал этимологию «антилопы» (см. предыд. прим.). В греч. версии: ...*в высшей степени сильное*.

ужасной – отсутствует в греч. версии. В версии В: *magnum* (великой).

рицины – *Ricine* – какое именно растение имеется в виду, неясно, но видимо, подразумевается вереск (лат. *erice*, греч. *erikhina*) или другой вид этого семейства (*Ericaceae*). В разных списках написания различны. В данном случае, вероятно, есть смешение с похожим *ricinus*, которое обычно отождествляют с клещевинной (*ricinus* – также клещ). Оба растения упоминаются у Плиния.

И подходит, играя... – В версии В: ...*начинает играть рогами своими с рициной*.

[человек божий] – В версии Y: *polite nomine* – искажение греч. *politeyta gennaiotate* (обращение к образованному читателю).

жительство которого на небесах – Флп. 3:20. В греч. версии цитата отсутствует.

с тобою радуются силы ангелов – отсутствует в греч. версии.

суть два завета... – В греч. версии добавлено: ...*которыми можешь бодать врагов своих: блуд, прелюбодеяние, сребролюбие и тому подобное*.

Вина же и женицын... – «Блуд, вино и напитки завладели сердцем их» (Ос. 4:11). *Vinum et mulieres apostatare faciunt sapientes* (Вино и женщины отступать заставляют мудрых; Eccl. 19:2, отсутствует в СП). В греч. версии цитата отсутствует. В версии В, наоборот, вместо всего абзаца (кроме цитаты): *Итак, опасайся, человек божий, пьянства, не будь опутан роскошью и наслаждением, и [не] будешь убит дьяволом*.

О пироболовых камнях



Есть такие на востоке пироболовые камни, то есть камни огневые, мужской и женский. И до тех пор, пока они разделены, огнем не горят, если же приблизится мужской к женскому, возгорится огнем и спалит все. ¶ О благородный гражданин, то есть воздержанный во всем, многие же оказались в аду из-за женщин, восплавав искушениями. [*Отступи дальше от женщин*, дабы двойное пламя не возгорелось, когда подходите друг к другу, и не спалило того доброго, что христос принес тебе. Ангелы же сатаны неустанно борются с праведниками, не только со святыми мужами, но и с женщинами целомудренными. Самсон и Иосиф оба были искушаемы женщинами. Один же победил, другой был побежден. Ева и Сусанна были искушаемы. Одна победила, другая была побеждена]. ¶ [Пусть же сердце сохраняется и божественным наставлением всячески предупреждается. Ибо любовь к женщинам, грех которых от начала идет, то есть от Адама, и поныне в сыновьях непослушанием буйствуется].



О мужских и женских камнях упоминает Плиний (Естественная история XXXVI.25), говоря, правда, о разновидности магнитов, по всей видимости, притягивающихся друг к другу. Сведения именно об огневых камнях у ранних авторов не встречаются, хотя они упоминаются в Библии: «Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней» (Иез. 28:14).



В бестиариях также: *caerobolim*, *deus perres*, *douze pierres*, *piroboli*, *terrebolem*, *turrobolem*. Содержание этой главы в основном следует за *Физиологом*. На миниатюрах, как правило, изображаются и сами камни, объятые пламенем, и мужчина и женщина, ими символизируемые, то есть и натурфилософская, и дидактическая части, что вообще довольно нехарактерно – обычно иллюстрации ограничивались лишь первой.



О пироболовых камнях. *Piroboli* – от греч. *pyrobolos* (возгораемый). В версии В: *igniferi* (огненосные), далее в тексте: *teroboli*. В других списках также: *cheroboli*, *terobolem*, *terroboli*. ¶ В версии С эта глава отсутствует.

на Востоке – отсутствует в греч. версии. В версии В: ...на некой восточной горе.

и спалит все... – В греч. версии добавлено: *Такой же природы мужской пол и женский – очень далеки друг от друга*. В версии В: ...все, что вокруг той горы.

благородный гражданин – *Epolitetota* – искажение греческого *politeyta gennaiotate*. См. прим. к гл. «Об автолопе».

в аду – Букв.: *in tartaro* (в Тартаре).

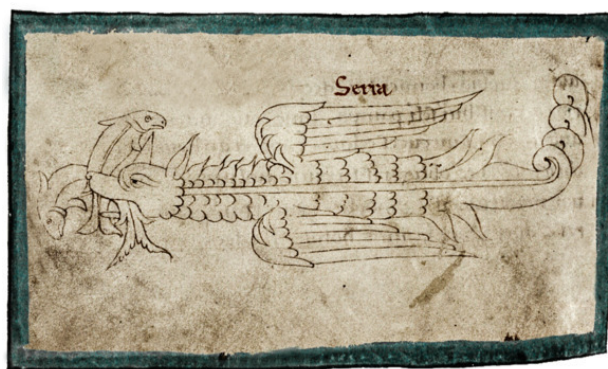
Отступи дальше от женицин – Averte faciem tuam a muliere compta (Отврати лицо свое от женщины изящной; Eccl. 9:8, отсутствует в СП). ¶ В греч. версии толкование близко версии В: *И ты, истиннейший житель града, избегай женского пола, чтобы, приблизившись к нему, не воспламенился к наслаждению и не сжег всю свою добродетель. Ведь и Самсон, приблизившись к женицине, лишился своей силы. И, как написано, многие отклонились с пути из-за женской красоты.*



О пиле морской



Хорошо сказал физиолог о воздерживающихся во всем и до конца не доходящих. ¶ Есть, говорят, в море животное, которое называется пилою, имеющее <весьма> длинные плавники. И если увидит корабли плывущие, им подражает и поднимает высоко плавники свои и соперничает с кораблями, которые плывут. И когда преодолела тридцать или сорок стадиев, или того больше, истратив силы, плавники свои складывает, [прижимает к себе], и течения относят ее в прежнее место [в глубине], где она изначально и была. ¶ Море, как говорится, есть мир, корабли – пророки и апостолы, которые этот мир [без какой-либо опасности или кораблекрушения веры] проходят [сквозь сердце шторма и бури мира этого; и смертоносные побеждают волны, то есть мира этого силы вражеские]. Эта же пила, которая не поспевает за проплывающими кораблями, есть подражание тем, которые до времени воздерживаются и, поспешая весьма скоро, уже не поспевают. ¶ Славным трудом начинающие до конца не доходят, из-за плотских страстей и гордыни и *постыдной корысти*, а равно и из-за блуда и прелюбодеяния и ненависти [и пьянства и всяких других пороков]. В тех же течениях морских, то есть враждебных силах, суть те, которые их выносят в преисподнюю. [Кто же будет упорствовать до самого конца, тот спасется]. <Дьявол же преобразился в ангела света, чтобы души неосторожные обманывать>.



Похожая история встречается о другом морском животном, наutilusе, или аргонавте. Правда, ни у кого из ранних авторов оно не ассоциируется именно с рыбой-пилой, а скорее с родом осьминога.

«Наutilus [...] плавает на поверхности моря, поднимаясь снизу, из глубины, причем поднимается с перевернутой раковиной, чтобы легче подняться и плыть при помощи пустоты; на поверхности он переворачивается. Между щупальцами до их соединения он имеет перепонку [...]. Он пользуется ею, когда есть какой-нибудь ветер, как парусом [...]. Если же испу-

гается, погружается в море, наполняя раковину водой». – *Аристотель* История животных IX.37 (153) (здесь и далее это сочинение цитируется по следующему изданию: *Аристотель* История животных / Пер. В. П. Карпова. – М.: Издательский центр РГГУ, 1996. – 528 с.).

«Среди выдающихся чудес есть создание, называемое наutilusом, а другими – рыбештурманом. Лежа на спине, она подплывает к поверхности моря, постепенно поднимаясь таким образом, что выталкивает из себя всю лишнюю воду, словно сбрасывает балласт, и с легкостью плавает. Затем она расставляет свои передние конечности, натягивая между ними удивительно тонкую мембрану, которая служит ей парусом на ветру; другие же конечности использует как весла под водой и направляет себя хвостом, будто рулем. Так она и плавает, подражая быстрому кораблю, а если почует опасность, прерывает плавание и погружается на глубину, засасывая воду». – *Плиний* Естественная история IX.47. В другом месте (IX.8) Плиний пишет о том, как с кораблями соревнуются дельфины.

«Аргонавт – тоже один из полипов и имеет одну раковину. Поднимается он к поверхности, переворачивая раковину вверх ногами, чтобы она не набрала соленой воды и не опустилась обратно ко дну. Когда же поднялся к волнам, если погода тихая и ветров нет, он переворачивает свою раковину, превращая ее в подобие лодки, и опускает с обеих сторон два щупальца, так что может грести и плыть на этом естественном судне. А если дует ветер, аргонавт еще шире простирает то, что служило ему веслами, превращая их в рули, и поднимает другие щупальца, между которыми имеется как бы паутина весьма тонкой текстуры, и ее он простирает и делает парусом. Так и плавает, до тех пор, пока ему нечего бояться. Если же пугается какой-нибудь из больших и сильных рыб, то погружается, наполняя свою раковину, и опускается под весом воды на глубину, таким образом уходя от врага. А когда все снова спокойно, поднимается обратно и продолжает свое плавание. Отсюда произошло и его название». – *Элиан* О природе животных IX.34.

«Есть рыба одна, покрытая полый раковиной [...], которую называют наutilusом, поскольку она может ходить под парусом. Обитает она в песках и поднимается к поверхности лицом вниз, чтобы море не наполнило ее. Когда же плавает по волнам, переворачивается, и делается подобной умелому мореходу, управляющему судном. Две ноги она простирает вверх, словно опоры, между которыми натягивается, будто парус, тонкая мембрана, которая принимает в себя ветер. Но когда чувствует поблизости опасность, ветрам уже не доверяет свое бегство, но вбирает внутрь все свои снасти, паруса и рули и наполняется изнутри потоком воды, так что делается тяжелой и идет ко дну. Кто бы ни изобрел корабли, эти колесницы морские, будь то некий бог, что замыслил их, или отчаянный смертный, первым пересекший волны, воистину, увидав плавание этой рыбы, сумел он смастерить подобие ее из дерева». – *Оппиан*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.